

РОДИЛЬНАЯ ОБРЯДНОСТЬ УКРАИНСКОГО СЕЛЬСКОГО НАСЕЛЕНИЯ ЮГА ЗАПАДНОЙ СИБИРИ В КОНЦЕ XIX–XX в.

Рассмотрен один из главных обрядов в культуре украинского сельского населения юга Западной Сибири в конце XIX–XX в. В результате анализа имеющегося материала (литературы, устных источников) автор приходит к выводу, что в среде украинцев сохранялась значительная часть традиционных представлений и обрядов, связанных с беременностью, рождением ребенка, его имянаречением.

Ключевые слова: украинское сельское население; Западная Сибирь; обряд; роды; имянаречение; традиции.

Рождение ребенка в этнической культуре имеет специфические проявления, которые находят отражение в родильной обрядности. В своей основе эта обрядность направлена на охрану беременности, жизни и здоровья роженицы и новорожденного, на признание ребенка членом семьи, общественной микросреды и христианского мира [1. С. 57].

Источниками для работы послужили полевые материалы, собранные автором и сотрудниками Центра устной истории и этнографии лаборатории исторического краеведения Алтайского государственного педагогического университета (ЦУИиЭ ЛИК АлтГПУ) в районах компактного (Поспелихинский, Романовский, Благовещенский, Кулундинский) и дисперсного (Егорьевский, Волчихинский, Панкрушихинский, Крутихинский) проживания украинцев Алтайского края и Карасукского района Новосибирской области.

В традиционной родильной обрядности исследователи выделяют следующие основные группы ритуальных действий: предшествующие родам, связанные с рождением, а также имянаречение ребенка и празднование родин [Там же. С. 57–74].

На протяжении всего рассматриваемого периода в семьях украинцев юга Западной Сибири бездетность традиционно рассматривалась как несчастье. В связи с этим к женщине, которая готовилась стать матерью, относились с особым уважением. В первой половине XX в. украинские женщины пытались как можно дольше скрывать свое положение, что было связано с опасностью сглаза роженицы и будущего ребенка: «Раньше скрывали [беременность] месяца два, а то и дольше, сглазу боялись» [2].

В целях нормального протекания беременности и родов, а также надления будущего ребенка хорошим здоровьем и положительными качествами вплоть до второй половины XX в. беременная женщина обязана была соблюдать определенные нормы поведения: не лгать, не воровать, не грубить окружающим, не бить ногами животных (кошку, собаку, свинью) и т.д. [1. С. 57]. Например, в Алтайском крае был записан случай, когда беременная женщина нарушала предписанные нормы и ребенок родился инвалидом: «Одна рука короче другой. Бог наказал!» [2]. Объяснялось это тем, что женщина, будучи беременной, в своей речи часто использовала нецензурную лексику – «много ругалась» [Там же].

Множество запретов, связанных с беременностью, распространенных на территории Украины (запрет ходить на похороны, видеть похоронную процессию,

печь свадебный хлеб и т.д.), в памяти украинцев рассматриваемой территории не сохранилось. Во время Великой Отечественной войны беременная женщина вовсе не соблюдала никаких предписаний: «Работали до последнего» [2].

До появления специальной медицинской аппаратуры широкое распространение в среде сельского украинского населения юга Западной Сибири имели приметы, по которым определяли пол будущего ребенка: круглый живот – «дивчина», выпирает – «хлопец» [Там же]. Если «высокий» живот, то будет девочка, если «низкий» – мальчик [Там же]. Часто информанты вспоминали, что пол ребенка точно могли определить взрослые женщины: «Определяли женщины: “Ой, у тэбэ будэ хлопэц!” Или: “У тэбэ будэ дивчана!”»; «По глазам. Я сама не смогу. А вот многие женщины, может там месяц-два, еще не заметишь по животу, а уже – “а ты беременная”. Как-то по глазам узнают!» [Там же].

В связи с большим численным составом украинских семей в конце XIX – начале XX в. была распространена практика прерывания беременности, связанная со сложностями в обеспечении членов семьи всеми необходимыми благами и отсутствием развитой, доступной сельскому населению Сибири системы дошкольного воспитания: «Детей много было, а воспитывать не на что было. А их же растить надо. Вот потому и делали» [2; 3. С. 128]. Если в городах Сибири данную функцию выполняли учреждения детского призрения, контролируемые государством, то в сельских населенных пунктах это была семья [4. С. 39]. Вплоть до начала 1950-х гг. в украинских семьях рассматриваемого региона сохранялась традиция воспитания детей старшим поколением (бабушками, дедушками), характерная для всех восточнославянских народов. Немедикаментозное искусственное прерывание беременности тщательно скрывали, так как это считалось позором для женщины и всех членов ее семьи: «Тайком все делали. От мужа я не знаю [скрывали], а от людей тем более, чтобы люди не знали, что она беременная» [2]. Делали аборт в домашних условиях, обращаясь за помощью к повитухам. Часто женщины умирали после такого аборта: «Многие женщины умирали, потому что в домашних условиях, и где там такие знания взять. Охото было помочь как бы, а не получалось. Бывало, что все хорошо обойдется. А бывало, что умирали женщины» [Там же]. Следует отметить, что в 1920 г. был принят декрет, разрешавший аборт с согласия женщины, но данные дей-

ствия мог совершать только врач в больнице. С 1936 по 1955 г. аборт вновь были криминализированы (за исключением абортов по медицинским показаниям), что повлекло за собой возвращение домашних абортов.

В первой половине XX в. роды украинских женщин в селах юга Западной Сибири традиционно проходили в хате [1. С. 58]. Начало родов тщательно скрывалось, так как считалось, что чем меньше лиц знает об их наступлении, тем легче они пройдут [Там же]. Роды принимала опытная в таких делах женщина, часто одинокая, пожилого возраста, которую традиционно называли повитухой или в селах с преобладанием русского населения – бабкой: «Бабка принимала роды. Бабка Наталья Найденова. Ну, повитуха тогда называли. Ну, вот эта баба Наталья, она у всех роды принимала» [2]. Роль повитухи в родильном обряде восточнославянских народов к настоящему времени довольно подробно изучена. Остановимся лишь на функциональной роли повитухи по обеспечению здоровья роженицы и новорожденного в среде украинского сельского населения рассматриваемой территории. Можно сказать, что именно она была проводником новорожденного ребенка в мир людей, она же отвечала за формирование благоприятного «образа» ребенка в будущем.

В годы Великой Отечественной войны были распространены случаи рождения детей прямо во время работы в поле без помощи повитухи. Т.И. Перепончик из г. Карасука Новосибирской области вспоминала: «Это в войну было. Мы просо клали. Тетка Верка пузата была. С нами еи дочка клала и ее сын. Триста метров до соленого озера. Мы до соленого озера доходим и копны такие кладем, а тетки Верки нету. “Зинка, а дэ твоя маты?” “Нэ знаю, дэ то там за копышоу бачила!”. Идэм обратно, дошли до бэрэга – идэ тетка Верка. Из под копны вылазэ и пишла с нами копны ложить. Она говорит: “Щас пошли на обед”. Тетка Верка забэрае, она нижню юбку сныла закутота ту дытину под копноу, нэ мыто. И пошлы мы на обед. “А шо вы там ниситэ?” А она показывэ. “Ленька будэ!” Так родыла в копнэ» [2].

Как только у женщины начинались роды, она отправляла кого-то из членов семьи, в этот момент находящихся в доме, за повитухой. Обычно женщина-повитуха жила в одном селе с роженицей, что сокращало сроки ее прибытия и оказания необходимой помощи. Во время родов в хате кроме роженицы и повитухи никто не должен был присутствовать. Чтобы облегчить роды, повитуха прибегала к традиционным методам, например гладила по животу, при этом обязательно читала «богородичные» молитвы и соответствующие заговоры, которые должны были помочь роженице. Однако в Алтайском крае был записан рассказ, когда при родах присутствовал мужчина – брат роженицы, который читал молитвы в другой комнате, «помогая» женщине. Связано это было с религиозными верованиями украинского сельского населения, так как считалось, что чтение молитв облегчает роды. «Бабка, может и други кто. Дак хто читае. Я вот помню, моя сестра рожае, дак дядька сидел молитву читал, а родиха в другий хате была. Стал читать, и она родыть начала – молитвы тогда помогали. Без молитвы не как! Все равно помогали молитвы!» [2].

В обязанности повитухи также входило перерезание и завязывание пуповины. Завязывалась пуповина по традиции льняной или конопляной ниткой, которую, например, в селах Новосибирской области называли «суровая» [Там же]. «Пупок» с ниткой по украинской традиции сохраняли и прятали за икону, скрывая от посторонних. Традиция сохранять «пупок» бытовала в среде украинского сельского населения юга Западной Сибири на протяжении всего рассматриваемого периода.

После рождения с очистительно-профилактическими и магическими целями ребенка купали в деревянном корытце с теплой водой. Символическими приемами, которые соблюдались во время купания, новорожденному стремились передать положительные качества. В воде для купания младенца по традиции предварительно запаривали травы, такие как череда, ромашка, любысток, а также листья березы. После купания его обтирали, заворачивали в пеленку и укладывали в колыску (колыбель), украинское название сохранилось лишь в районах компактного проживания украинцев. Колыску для новорожденного изготавливали самостоятельно из досок, по углам вбивали гвозди, привязывали к ним веревочки, соединяли, крепили к металлическому кольцу и вешали на матицу.

На дно колыски клали самодельный матрац – старое полотно, например изношенные мужские штаны, женские рубахи, которые разрезали, сшивали и набивали соломой, мхом, травами. Сверху колыску с ребенком обязательно прикрывали тканью, что позволяло сохранять тепло, а летом уберегало от насекомых.

Со второй половины XX в. колыски постепенно выходят из обихода украинского сельского населения Западной Сибири, что связано с появлением детских кроваток фабричного производства и улучшением материального положения.

Неотъемлемым действием родильной обрядности в среде украинского населения юга Западной Сибири были очистительные обряды. У украинцев роженицу «купали» в хате, в отличие от русского населения Сибири, когда женщину после родов было принято мыть в бане [5. С. 282]. В хате в русской печи в чугунах грели воду, наливали в специальные большие деревянные бочки, которые в селах Новосибирской области и Алтайского края называли «шапльки», добавляли «разнотравье» – листья мяты, чабреца, земляники – или сено, усаживали в бочку роженицу и накрывали рядом. Она должна была помыться и обязательно искупаться в воде три раза.

Украинские повитухи в селах рассматриваемого региона оказывали лишь первую помощь во время и после родов, в то время как у русских была распространена традиция, когда повитуха оказывала помощь по хозяйству (от трех до десяти дней) [1. С. 62; 6. С. 147]. По словам информантов, повитухе деньги не платили, часто ее благодарили продуктами: «Не... деньги не давали. Продуктамы в основном. Хто что мог, то и давалы ей» [2].

С декабря 1922 г. декретами советской власти была введена уголовная ответственность за незаконное врачевание, распространявшаяся и на деятельность повитух. Женщины, продолжавшие такую практику,

подвергались судебному преследованию и последующей ссылке. С этого времени начинаются постепенный процесс отхода от практики домашних родов и переход к стационарному медицинскому родовспоможению. При этом в первые годы институализации роддомов женщины предпочитали обращаться за помощью к «знающим» бабкам в селе. По рассказам информантов, это было связано с недоверием к молодым сельским акушеркам. Часто встречались рассказы о том, что роды проходили дома в присутствии акушерки и повитухи: «И врач был, и бабку звали. Боялися. Эта молодая – ниче не знает, а та подсобит ей где» [2].

Со второй половины XX в. роды проходят преимущественно в больнице. Значительная часть опрошенных женщин отмечают улучшение медицинского обслуживания в сфере гинекологии, его массовую доступность.

До 1940-х гг. в первые дни после родов по традиции посещать роженицу и показывать ребенка запрещалось, чтобы уберечь их от сглаза и порчи. Также запрет видеть мать и ребенка не членам семьи в селах Алтайского края и Новосибирской области информанты связывали с тем, что женщина «еще слаба была» [Там же]. В течение примерно месяца после родов женщине запрещалось выполнять тяжелые работы. Все это время ее называли «сырая» (Новосибирская область) или «мокрая» (Алтайский край). По мнению информантов, это было связано с тем, что «после родов у нее выделения еще идут. Может с месяц или сколько» [Там же].

Лишь через неделю, а в отдельных районах Новосибирской области традиционно на сороковой день: «показывают маленького. Все на него дывыльсы!» [Там же]. Согласно украинской традиции к роженице не положено было приходить с «пустыми руками» [1. С. 64]. Поэтому часто приносили полотно для изготовления пеленок, хлеб и изделия из теста – вареники, блины, пироги: «Кода родит, тода блины, варэники. Больше ничего не несли» [2]. Со второй половины XX в. к традиционному набору блюд добавляются продукты, приобретенные в магазине, что связано с улучшением материального положения сельского украинского населения и общедоступностью ряда продуктов. Вручение гостинцев сопровождалось различными благопожеланиями роженице и младенцу.

С особым вниманием относились к имянаречению новорожденного. До 1930-х гг., как правило, ему давали имя святого («по святам»), день памяти которого отмечала церковь в день рождения ребенка или ближайшее время: «Ну, по церковному [называли]. Обращались. Ну, такие имена, которые сейчас мы считаем старинными»; «Вот до войны больше по церковному. Пока церковь у нас была, больше по церковному. Вот старые имена. А после войны тут уже стали называть как то, без церкви, сами. Я сама называла в 1950–1960-е годы» [2]. Часто информанты вспоминали, что имя, полученное в церкви, не нравилось его обладателю: «Да вот когда крестят, имя дают

по святам. Вот як мне дали погано имя! Я его нэ любила всю жизнь! Фекла!» [2].

В селах Новосибирской области были зафиксированы случаи, когда ребенку давали два имени – одно сразу после рождения (родители), а второе в церкви во время крещения. М.И. Порох (с. Белое, Карасукский район, Новосибирская область) вспоминала: «Никак не называли [до крещения]. У нас было так, что Никола-Василь [Николай, Василий] – двойное имя было. Родители вот назвали так, а в церкви его переименовали и поэтому его звали в деревни Никола-Василь. И так много было» [Там же]. Распространены были и другие варианты, например ребенка называли именем близких родственников (часто бабушек / дедушек), кроме того, ориентировались на имена, обладателями которых были красивые, удачливые люди.

По мнению информантов, звучание украинских имен, в отличие от русского произношения, казалось им грубым, хотя детские имена были одинаковые: «Да одинаковые имена и у хохлов, и у русских. У русских як помягше, а у нас як скажут! Полька, Дунька! У русских Дуся, у нас Дунька, Валька – Валя, Василий – Василь!» [Там же].

С 20-х гг. XX в. формируется новая традиция выбора имени для ребенка. В имянаречение в советское время была вложена функция социализации нового человека [7. С. 168], результатом которой стал процесс самостоятельного выбора имени ребенка. Наречение имени по «красным святам», в которых имена посвящались революционным деятелям и событиям, в среде сельского украинского населения рассматриваемого региона не зафиксировано [7. С. 170]. Устойчивой традицией оставалось наречение детей именами покойных или здравствующих родственников. Со второй половины XX в. большую роль в выборе имени ребенка приобретает мода. Моду на имена создавали значимые личности: политики, деятели литературы, музыки, кино и т.д., что приводило к утрате традиционных имен, распространенных в православной России в конце XIX – начале XX в.

Таким образом, традиционные представления и обряды, связанные с беременностью, рождением ребенка, его имянаречением, празднованием родин в среде украинского сельского населения юга Западной Сибири вплоть до второй половины XX в. сохранялись. Однако значительное влияние на процесс утраты традиционных элементов рассматриваемого обряда и его компонентов оказал целый комплекс факторов: политические (установление советской власти), экономические (улучшение материального положения украинского сельского населения), социальные (изменение потребностей, ценностей) и т.д. При этом в среде украинского сельского населения на протяжении XX в. сохранялись отдельные элементы, связанные с родильной обрядностью (например, длительное скрывание беременности, приметы, по которым определяли пол будущего ребенка и т.д.), носящие формализованный характер.

ЛИТЕРАТУРА

1. Гаврилюк Н. Дитина в обрядах і звичаях // Українська родина: обряди і традиції. Київ : Видавництво ім. Олени Теліги, 2015. С. 57–74.

2. Архив ЦУИиЭ ЛИК АлтГПУ. Ф. 1: Материалы ИЭЭ 2008–2014 г.; ЭЭ 2014–2015 г.
3. Люля Н.В. Воспитание девочек в семьях украинских переселенцев Алтайского края в 1920–1940-е гг. // Полевые исследования в Прииртышье, Верхнем Приобье и на Алтае. 2014 г.: археология, этнография, устная история. Вып. 10 : материалы X междунар. науч.-практ. конф., г. Барнаул, 22–23 апр. 2015 г. / отв. ред. М.А. Демин, Т.К. Щеглова. Барнаул : АлтГПУ, 2015. С. 127–131.
4. Колокольникова З.У. Учреждения дошкольного детского воспитания в Сибири начала XX века // Известия Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена. 2009. № 116. С. 29–37.
5. Курсакова А.В. Обычай и обряды, связанные с рождением детей в крестьянской семье (по материалам экспедиций в Солонешенский район) // Солонешенский район : очерки истории и культуры / ред. Т.К. Щеглова. Барнаул : БГПУ, 2004. С. 281–287.
6. Листова Т.А. Русские обряды, обычаи и поверья, связанные с повивальной бабкой (вторая половина XIX – 20-е годы XX в.) // Русские: семейные и общественный быт / отв. ред. М.М. Громыко, Т.А. Листова. М. : Наука, 1989. С. 147–171.
7. Бондаренко Е.Д. Советские сценарии именование: диалог с традицией // Политическая лингвистика. 2013. № 4 (46). С. 166–171.

Статья представлена научной редакцией «История» 21 марта 2017 г.

THE MATERNITY RITE OF UKRAINIAN RURAL POPULATION IN THE SOUTH OF WESTERN SIBERIA IN THE LATE 19TH–20TH CENTURIES

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal, 2017, 418, 110–113.

DOI: 10.17223/15617793/418/14

Natalya V. Lyulya, Altai State Pedagogical University (Barnaul, Russian Federation). E-mail: natalyalulya@mail.ru

Keywords: Ukrainian rural population; Western Siberia; rite; birth; naming; tradition.

This paper aims to consider the maternity rites of the Ukrainian rural population in the south of Western Siberia in the late 19th–20th centuries. It describes the preserved complex of traditional elements of the rite in the period under review, reveals its transformation under the influence of a number of factors. The research is primarily based on the field work data collected by the author and other staff members of the Oral History & Ethnography Center of the Laboratory of the Lore Local History at Altai State Pedagogical University in areas of compact and dispersed settlement of the Ukrainians in Altai and Novosibirsk provinces. It is determined that until the second half of the 20th century the Ukrainian rural population in the south of Western Siberia maintained traditional ideas of childlessness, signs on which sex of the unborn child was determined, pregnant women followed certain standards of behavior. When considering actions related to childbirth, the author reveals the observance of Ukrainian traditions. It is noted that with the coming of the Soviet power special attention was paid to the development and adoption of legislative acts in the field of medicine, which increased penalties for illegal medical treatment and for refusal of assistance in the birth of non-certified private midwives. Among all, medical services in the field of gynecology were intensifying, as a result of which a significant part of the traditional actions associated with childbirth was lost. The naming of newborn children is also considered here. The author comes to a conclusion that till the 1930s the tradition was respected to name the newborn by the name of a saint whose memory day was celebrated by the church on the child's birthday or in the near future. Later, a new Soviet tradition of naming was established. In some areas of Novosibirsk Province one more feature of double naming is identified. Meantime, field data evidence the distinctive sounding of Ukrainian and Russian names. The tradition of celebrating childbirth is also followed: till the 1950s the traditional set of elements with which it was customary to visit the mother and the child was preserved. Thus, traditional ideas and rituals connected with the maternity rite among the Ukrainian rural population in the south of Western Siberia were in force till the second half of the 20th century. However, a number of factors (political, economic, social) influenced significantly the loss of individual traditional elements of the maternity rite and its components.

REFERENCES

1. Gavrilyuk, N. (2015) Ditina v obryadakh i zvichayakh [Child in rites and customs]. In: *Ukrainska rodina: obryady i traditsii* [Ukrainian Homeland: rituals i traditions]. Kyiv: Vidavnytstvo imeni Oleni Teligi.
2. Archive of the Center for Oral History and Ethnography of the Laboratory of Local History of Altai State Pedagogical University. Fund 1: *Materials of Historical Ethnography Expeditions of 2008–2014; 2014–2015*. (In Russian).
3. Lyulya, N.V. (2015) [The education of girls in the families of Ukrainian immigrants of Altai Krai in the 1920s–1940s]. *Polevye issledovaniya v Priirtysh'e, Verkhnem Priob'e i na Altae. 2014 g.: arkhologiya, etnografiya, ustnaya istoriya* [Field research in Irtysh, Upper Ob region and the Altai. 2014: archeology, ethnography, oral history]. Vol. 10: Proceedings of the X international conference. Barnaul. 22–23 April 2015. Barnaul: Altai State Pedagogical University. pp. 127–131. (In Russian).
4. Kolokol'nikova, Z.U. (2009) Uchrezhdeniya doshkol'nogo detskogo vospitaniya v Sibiri nachala XX veka [Establishments of preschool children's upbringing in Siberia at the beginning of the twentieth century]. *Izvestiya Rossiyskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta im. A.I. Gertsena*. 116. pp. 29–37.
5. Kursakova, A.V. (2004) Obychai i obryady, svyazannye s rozhdeniem detey v krest'yanskoy sem'e (po materialam ekspeditsiy v Soloneshenskiy rayon) [Customs and ceremonies associated with the birth of children in a peasant family (based on the materials of the expeditions to the Solononshenskiy district)]. In: Shcheglova, T.K. (ed.) *Soloneshenskiy rayon: ocherki istorii i kul'tury* [Solononshenskiy district: essays on history and culture]. Barnaul: Barnaul State Pedagogical University.
6. Listova, T.A. (1989) Russkie obryady, obychai i pover'ya, svyazannye s povival'noy babkoy (vtoraya polovina XIX – 20-e gody XX v.) [Russian rituals, customs and beliefs associated with the midwife (second half of the 19th century – the 1920s)]. In: Gromyko, M.M. & Listova, T.A. (eds) *Russkie: semeynny i obshchestvenny byt* [Russian: family and social life]. Moscow: Nauka.
7. Bondarenko, E.D. (2013) Sovetskie stsenarii imyanarecheniya: dialog s traditsiyey [Soviet scenarios of naming: dialogue with the tradition]. *Politicheskaya lingvistika – Political Linguistics*. 4 (46). pp. 166–171.

Received: 21 March 2017